

ВОСПИТАНИЕ. КУЛЬТУРА.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

В. В. Горшкова
(Санкт-Петербург)

ФЕНОМЕН ДУХОВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Показано, что духовное возвышение – это философско-практическая задача процесса образования, воспитания и просвещения, а обращение к духовности народа должно быть и основой философско-культурологической подготовки современного педагога

Актуализация феномена духовности современного человека связана с проблемами, вызванными современной постмодернистской эпохой. Модернизация образования России в новой парадигме человекообразующего и развивающегося образования должна быть направлена на изменение образования не только путем расширения доступа к информационным технологиям, но и создания пространства взаимодействия на основе ценностей, поддерживающих жизнь, поиска инноваций, повышающих качество человеческого потенциала, творческих способностей современного растущего и взрослого человека.

Обращение к феномену духовности, произнесение слов «духовная жизнь», «духовное совершенство», «духовный мир», «духовная эволюция» создает адекватное этим словам впечатление утраты предметности. Действительно, «духовность», «дух» – понятия метафизические, не имеющие конкретных материальных референтов в предметном мире.

Однако можно пытаться получить ответ на вопрос: «Как проявляется жизнь духа, духовность в жизни конкретного человека?» На этот и производные от него вопросы педагогика и андрагогика ищут ответы с целью понять человека, поддержать обнаруженные в нем проявления духовности, создать условия для их актуализации и развития.

Данная публикация носит характер постановки проблемы и ограничена только осмыслением многообразия проявлений духовно-

сти в реальной жизни человека, то есть многообразия феноменов жизни духа. Известно, что подобная мыслительная, исследовательская деятельность в контексте философии носит название феноменологии духовности, или феноменологии духа.

В мире духовных богатств нет пределов роста, но если мир природный можно описать количественно, то мир духовный описывается только качественно. В нем нет понятий «больше», «меньше», а только «есть» или «нет».. Поэтому, например, каждое проявление феномена духовности представляет для взрослого (воспитателя, педагога, родителя) открытие духовного потенциала в ребенке, подростке, любом другом человеке.

Обращение к русской духовности выглядит как обращение к уникальному духовному явлению в мировой культуре, как способу самопознания русского народа, как философии русской школы. Подобная акцентуация имеет достаточные основания исторического и актуального порядка.

Вытеснение из жизни русского образования традиционной русской философии как духовности философией западной как рационализмом началось еще при жизни К. Д. Ушинского (например, его статья «Как сделать русскую школу русской»). Этот деструктивный процесс по известным причинам принял в последнее десятилетие угрожающий характер. Внедрение позитивистской философии находит свое проявление в чрезмерной

индустриализации, технологизации образовательного процесса, информационном инструментализме: все средства оказываются конструктивными для достижения сомнительного результата для приобретения информации, не всегда трансформирующейся в личностное знание. Все эти «новаторские», как правило, зарубежные технологии в большинстве своем не опираются на национальную культуру, обычаи, традиции, народный опыт, не имеют духовно-нравственной основы, страдают облегченностью содержания и, как правило, не затрагивают глубинные основы в душе человека. Им не свойственно обращение к духовной природе (истокам) человека, способность увидеть внутреннюю глубинную работу участников образовательного процесса: напряжение при проникновении в неизвестное, сомнение при стремлении к истине, интерес к мыслям, чувствам другого, эстетизация интеллектуальных проявлений человека при постижении и открытии нового и т.д.

Своеобразный процесс вытеснения национальной философии из образования не мог не сказаться на национальной культуре. Вместе с философией оказались утраченными понятия, несущие фундаментальный смысл русскости и мировоззренческое содержание национальной идентификации народа – «русский дух», «русская душа», «русский характер» и т.п. Современные исследователи русской духовности сетуют по поводу того, что с трудом входят в речевой оборот словосочетания «русская школа», «русская педагогика», «русское образование». В силу определенных причин эти понятия оказались нагруженными негативно несвойственными им смыслами великодержавности, шовинизма, национализма и др.

К движению за возвращение российскому образованию его духовно-нравственной основы, подлинно национальной философии в виде русской духовности должны быть причастны взрослые, в том числе педагоги, родители, учителя. И учитывая отношение властных структур к образованию и культуре, нужна не столько государственная, сколько общественная активность и ответственность российских граждан.

В связи с этим первоочередными выявляются две проблемы. Первая – это полная неосведомленность рядового специалиста системы образования и воспитания в вопросах русской философии духовности, ее принци-

пиального отличия от других типов мировоззрений Запада и Востока. Русская духовная философия не только не усвоена педагогами, учителями и другими взрослыми в результате полученного образования, она даже не фигурирует в числе форм философствования в современной мировой культуре. Абсолютная ориентация на западную форму философствования формирует у выпускников педагогических и гуманитарных вузов усеченную картину мира и его духовной жизни.

Русская философия – это самоценное, самодостаточное духовное явление в мировой культуре, возникшее и сформировавшееся как самопознание русского народа, его культуры, образа жизни на многовековом историческом пути. Если восточная философия – это мудрость, западная – рационализм, дискурс, логика, то русская – духовность. При этом право на подлинную интерпретацию понятия духовности в ее русском варианте принадлежит только русской ментальности, так как западной и восточной культуре понятие «духовность» в принципе остается несвойственным.

По причине методологической несовместимости традиционно сложившихся представлений о сущности человека (как исходно-глубинной точки всякого философствования) сформировались во многом своеобразные, а подчас противоположные формы мышления, несовместимые ценности. Так, китайский иероглиф, обозначающий человека, представляет его как «человека в строю», человека рядом, выровненным с другими, подчиненным единой воле Бога, императора, национальной идее и т.п. Человека как отдельной фигуры для китайского менталитета не существует. Для русской ментальности человек – это человек в общине, в коллективе (не в строю), в общем деле, в общей молитве за всех. Отсюда и неизживаемое убеждение, что русская общеобразовательная и высшая школа должна не только обучать, но и воспитывать, она должна быть местом встречи в духовном пространстве межчеловеческого со-бытия. Л. Н. Толстой называл это «духом школы». Для западной ментальности человек – это хозяин своей жизни, индивидуалист, рассчитывающий только на себя.

Посмотрим, как преломляется один и тот же артефакт культуры сквозь призмы различных представлений о человеке. Так, роман Д. Дефо «Робинзон Крузо» в сознании западного человека, в общественном сознании

Запада произвел революционный переворот. Это событие относят к эпохальным, так как оно обозначило начало новой эпохи в самоидентификации западного человека. В России он остался до сих пор книгой для детей и сценарием для фильмов, которые снимали детские студии. В Китае эта книга, став известной лишь в новейшее время, отнесена к разряду фантастики [9]. Как видно, трехвековое осмысление подвига Робинзона ничего не изменило и, вероятно, не изменит в его оценке различными типами ментальности и культуры, несмотря на инновационно развивающиеся процессы глобализации.

Именно поэтому грубое, навязчивое, насильственное внедрение в русскую жизнь и сознание человека идей рынка в их западном, индивидуалистическом исполнении вносит неуправляемый хаос в состояние русской души, искажает её экологию и, в конечном итоге, разрушает ее. Возможно, в этом одна из главных причин тех потерь и катаклизмов, которые сопровождают Россию в последние десятилетия.

Встает вопрос: может ли высшее и поствузовское образование полностью решить проблему философско-культурологической подготовки педагога? Разумеется, нет. Усвоение русской философии как духовности не сводится только к изучению ее: это самопознание образа жизни, ибо все проблемы этой философии – проблемы собственного жизнестроительства, своих судьбоносных решений и их связей с окружающим миром. Подобное усвоение возможно только в результате самостоятельной непрерывной систематической работы над философским, культурологическим наследием, над собой при соответствующей организации консультативной помощи. Однако в профессионально-образовательной системе подобная консультационная работа не только не организована, но даже вопрос об этом пока не ставится как в сфере вузовской подготовки специалиста, так и в сфере образования взрослых.

Вторая проблема – крайне недостаточная разработанность теории, методологии и методики духовного образования и воспитания. Большинство рекомендуемых методик носит характер мероприятий в сочетании с тренингами, дискуссиями, тестами. Не отрицая нарабатанного, представляем в качестве исходного следующее положение. Для разрабатываемых нами онтологических подходов, для пе-

дагогике Бытия важно, чтобы взрослый (воспитатель, родитель, учитель), используя личный опыт, знания, интуицию, выработал в себе определенную установку, доминанту на духовность. Он должен учить себя «опознавать» и констатировать у того или иного человека наличие или отсутствие признаков, задатков, потенциалов духовности, предрасположенности к ней, а может быть, и наличие зрелой духовности в ее выражаемом русском варианте. Для педагогики Бытия это – проблема базовая, так как она не преследует цели преобразования духовного мира, воспитания и перевоспитания посредством внешнего воздействия. Вся ее методика основана на обнаружении, поддержке, росте, динамике имеющихся предпосылок природного и онтогенетического порядка.

Абсолютно недопустима менторская позиция в разговорах, беседах, диалогах о духовности в силу очевидного факта – духовного несовершенства каждого человека. Единственно возможная позиция в данных случаях может быть выражена вечным и до конца неразрешимым вопросом: «Как жить, что делать мне, нам всем вместе, как нам измениться, чтобы духовное обновление, совершенствование стало неперемнным способом жизни?» То есть исходная позиция – в признании собственного духовного несовершенства, отчуждении от духовных усилий и уникальности собственного внутреннего мира. В рамках религиозного сознания это находит проявление в признании изначальной и приобретенной греховности человека. В светском сознании это выходит на признание идеи и разработку теории деградации взрослого человека.

В целом, трудность разговоров, размышлений о духовности вполне естественна: речь идет об основах человеческого бытия, о том атрибуте, благодаря которому человек природный («дитя природы») становится человеком культуры, его бытие становится подлинно человеческим. Духовность – это собственно и подлинно человеческое в человеке. Но каково содержание – этого «человеческого»? Оно, очевидно, неисчерпаемо ни в гносеологическом, ни в практическом планах, поскольку несовпадение между человеком совершенным и человеком реальным практически непреодолимо. В силу этого научное толкование термина «духовность», строго теоретическое раскрытие его содержания фактически невозможно и неперспективно. Определе-

ние понятия «духовность», постижение самого феномена духовности возможно лишь посредством описания (но не объяснения, не обоснования), точнее, феноменологического описания. Короче говоря, невозможна научная теория духовности, но возможна феноменология ее, то есть описание тех проявлений духовности в жизни человека, которые доступны фиксации посредством органов чувств, интуиции, осознания, понимания, глубинного общения (вербального и невербального), и эти проявления, как известно, носят название феноменов.

В русской философии, которая суть философия антропологическая (в том числе религиозная), духовность соотносится только с человеком, в связи с чем возникает еще одно чрезвычайно важное замечание. Большинство черт человека (если не абсолютно все) носят характер виртуальных и амбивалентных. Это означает, что они в принципе могут сформироваться в человеке и в такой форме, и с таким содержанием, что их можно интерпретировать в одном случае как признак духовности, а в другом как бездуховности. Например, милосердие есть добродетель, достойная всякого поощрения, несомненный признак духовности (хотя духовность, безусловно, не сводится только к милосердию). Однако если она совершается не в духе имманентной потребности, а лишь для того, чтобы окружающие видели, чтобы они этим публично восхищались, то такое милосердие не имеет никакой нравственной цены, поскольку такая форма милосердия есть свидетельство бездуховности. Как, например, человеку относиться к награде? Она некоторым людям нужна как побуждение к признанию, к нравственным поступкам, к дальнейшим инициативам. Она предстает в виде внутреннего осознания того, что человек действовал лучше других, совершил поступок, и его поступок будет иметь благотворные последствия, хотя люди могут не узнать о том, кто совершил этот поступок. Одним словом, духовный человек награду «вручает» себе сам в своем интимном внутреннем мире, и она выступает в форме ответственного самопризнания. Бездуховный человек стремится к тому, чтобы его за творимые благодеяния признал весь мир. Вывод на основе приведенного примера может быть следующий: всякая черта может быть истолкована в качестве признака духовности только в том случае, если она сориентирована

нравственно, то есть если она добродетельная самооткровенность. Нет абсолютных черт, исчерпывающих все содержание духовного мира, так как духовность – имманентно интегративное качество, относящееся к сфере смысложизненных ценностей, определяющих «образ человеческий» в каждом индивиду [2].

В связи с приведенными аргументами необходимо осмыслить понятие «образ человеческий». Отсутствие этого образа в индивиду превращает его в безобразного, не имеющего образа человеческого. Трансформированное слово «безобразный» этимологически восходит именно к отсутствию образа человеческого. Поэтому в качестве негативного признака духовности можно привести именно эмоционально, чувственно, рационально, интуитивно, субъектно воспринимаемую безобразность. Все безобразное (или безобразное) бездуховно, нечеловечно, противно независимо от того, проявляется это во внешнем виде или поступках, поведении, потребностях и способах их удовлетворения, а также в искусстве, спорте, экономике или политической борьбе.

Совершенно иной, но уже позитивный признак духовности можно сформулировать, отталкиваясь от представлений о духе как субъекте духовности. Дух можно мыслить как невидимую силу, жизнедающую сущность, приводящую в движение все наше существо, устремляющую нас к определенной цели и выбирающую эту цель. Дух – это источник бесконечной энергии, но энергии, свободной от внешнего и внутреннего принуждения, свободной от человека. «Дух – субъект воли и носитель блага» (Вл. Соловьев); духу «доступна свобода, и его обуславливает свобода. Ибо дух есть сила самоопределения к лучшему. Дух есть сила, которая имеет дар усилить себя...» (И. Ильин). Поэтому есть основание полагать, что энергетическая одаренность, волевая, целенаправленная реализация энергетического потенциала, а также деятельность, устремленная к высшей цели, к преодолению себя настоящего и движущаяся к себе лучшему. И наоборот, неспособность освободиться от физически и духовно разрушающих человека страстей, дурных привычек, будь то пристрастие к алкоголизму, наркотикам, азартным играм или зависимость от трудного характера, неуважительного отношения к окружающим, взрывного темперамента и т.п. – все

это также верные признаки человека, обделенного духом, человека бездуховного. Отсутствие воли говорит об отсутствии волевых усилий, так как воля есть феномен духа; отсутствие нравственности говорит об отсутствии духовности. Вл. Соловьев определил духовность как способность к стыду, милосердию и благоговению к добру. «Стыжусь, следовательно, существую», – подчеркивал он, имея в виду существование подлинно человеческое. В связи с этим есть смысл напомнить, что способность к стыду как атрибут подлинно человеческого бытия выделяли Ч. Дарвин, Ф. Ницше, Г. Гегель. Стыд – свойство развитой души, он возможен только на фоне индивидуальной духовной культуры. Стоит ли доказывать, что стыд сегодня вытеснен из сферы жизнедеятельности человека, он осмеян, унижен, задавлен потоком рекламы, непристойным нашествием теле- и кинопродукции. Стыд – это качество духовного человека, бесстыдство – верный признак бездуховности, разложения и гибели души. Стыд ныне не защищен, а потому священный долг педагога школы – беречь, ценить, поддерживать, выращивать малейшие проявления стыда у детей, подростков, молодежи.

К признаку духовности, фиксируемому с особой легкостью и надежностью, следует отнести и способность человека создавать вокруг себя атмосферу благожелательности,

«ауру добра» (Д. С. Лихачев). Вряд ли можно отрицать существование таких взрослых личностей (безотносительно к профессиональной и культурной направленности), встреча с которыми, как правило, знаменует определенный поворот, а может быть, переворот в духовном мире и в мировоззрении другого человека.

Не следует акцентировать внимание только на признаках профессиональных, свидетельствующих о приверженности человека к каким-то формам духовной культуры – литературе, музыке, живописи, театру, науке, философии и т.д. Быть профессиональным писателем, артистом, музыкантом, ученым – еще не означает быть духовно развитым, хотя как раз эти люди чаще всего считают себя таковыми. Среди них встречаются люди духовно одаренные, но их не больше, чем среди представителей других профессий, чем среди активных поклонников искусства и науки.

Духовное возвышение – это философско-практическая задача процесса образования, воспитания и просвещения. И в педагогике бытия или педагогике смысла предметом педагогической науки становится не процесс обучения, воспитания и развития человека, а субъектное творчество и индивидуальная жизнедеятельность каждого человека, уникально вовлеченного в эти процессы.

Л и т е р а т у р а

1. Бердяев Н. А. О назначении человека : [сб.]. – М. : Республика, 1993. – 382 с.
2. Буева Л. П. Духовность и проблемы нравственной культуры // Вопросы философии. – 1996. – № 2. – С. 75–81.
3. Василюк Ф. Е. Психология переживания : Анализ преодоления критических ситуаций. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – 200 с.
4. Горшкова В. В. Аксиологический фактор в процессе инновационного развития образования // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 51–60.
5. Горшкова В. В. Образование взрослых в контексте культуры: феноменологический аспект // Педагогика. – 2011. – № 7. – С. 24–32.
6. Зинченко В. П. Размышление о душе и её воспитании // Вопросы философии. – 2002. – № 2. – С. 19–136.
7. Интервью с В. А. Лефевром // Вопросы философии. – 1991. – № 7. – С. 5.
8. Культурно-антропологические основы образовательной деятельности : сб. науч. ст. / под ред. А. С. Запесоцкого. – СПб., 2008.
9. Лузина Л. М. Человек в проблемном поле воспитания. – Псков : ПГПУ, 2008 – 387 с.
10. Никандров Н. Д. Российская национальная идея – основа воспитания // Воспитание духовности и патриотизма: диалог концептуальных идей. – Петрозаводск, 2010. – С. 4–7.